

Челябинский

рабочий

№ 178 (23819)

Издается с апреля 1908 года

Среда, 20 сентября 2000 года

<http://www.chelpress.ru>

областная ежедневная газета

Между прочим

«Инопланетяне»

Кто-то мне рассказывал, как однажды (вскоре после войны) он был поражен видением, подобным наваждению: в лесу, на берегу одного из каслинских озер, вдруг возникли странные люди в неземных одеяниях, изъяснявшиеся на немецком языке. Кто в шляпе, кто без головного убора, кто в плаще, кто в клетчатом костюме, эти люди стояли, заложив руки за спину и поджав головы, обмениваясь короткими репликами, они наслаждались тишиной, ароматами, лесом, озером, небом... Странные пришельцы исчезли так же внезапно, как появились, — только серая «Победа» мелькнула за сосновыми стволами.

Десант немецких ученых на Сунгуле тогда, в 1947 году, и верно, весьма напоминал инопланетный. Такие люди Каслям были в диковинку. Они были явно из другого мира, из другой жизни, из такой, о которой каслинцы и не помышляли.

Инопланетянами казались не только немцы, но и русские ученые. Они тоже были очень странными. Вроде бы заключенные, а почему-то щедро обжалованные. Зек, а ему особняк о пяти комнатах — спроста ли?

То был на Мендарюном полуострове — островок поистине Крупных Интеллигентов. Несмотря на все различия, они между собой находили общий язык легче, чем, может быть, с окружающими их аборигенами.

Что касается общения, то коллеги легко преодолевали языковой барьер, потому что многие из немцев знали русский язык, а многие из русских говорили по-немецки. Конкретно: В.Л. Анохин, М.Ю. Тиссен, С.Р. Царалкин, Н.Г. Полянский, Д.И. Семенов, В.Г. Мартур, сам Н.В. Тимофеев-Ресовский свободно владели немецким, а также немцы, как Г. Ортман, А. Кач, сам Н. Риль знали русский язык.

Обитатели бывшего санатория «Сунгуль», если смотреть на них глазами местных жителей, были баловнями, чудаками, иногда впадающими в детство. Всяким шалостям, забавам и баловству они отдавались всерьез, а серьезные вещи воспринимали легкомысленно. Им подавай то, без чего здесь, на каслинском многоозерье, люди жили веками.

Пожалуйста — иллюстрации! Биолог (заключенный) Д.И. Семенов — гитарист. Имел обыкновение ходить в белых брюках и голубом пиджаке. Для гостей держал в запасе хороший копылок. Биолог и физик (заключенный) Н.В. Лучник — коллекционер марок, рисовальщик. Его перу принадлежит поэма «Сунгулиада». Химик В.Л. Анохин (заключенный) вышивал крестом подушечки, хорошо пел и рисовал. Генетик С.Р. Царалкин — красивый баритон, лучший игрок в городки. М.Ю. Тиссен — прекрасный пианист. Ю.И. Москалев — очень сильный шахматист, книголюб, охотник, рыбак.

Ботаник Вильгельм Менке всем семейством собирал гербарии. Генри Ортман — яхтсмен. Дочь Ланге Хане-Лора — единственная, может быть, на весь Урал фигуристка на льду. Наконец, сам Тимофеев-Ресовский — вообще энциклопедист. То, что он любил петь, танцевать и вообще веселиться, — это само собой, от характера, а еще он прекрасно знал историю — русскую и европейскую, живопись, музыку, поэзию. А жена его Елена Александровна унывала от того, что более семи лет не была в концерте и что часто видела во сне, как входит в большой концертный зал, а у рояля — Рихтер.

Свой досуг ученые отдавали лыжам, футболу, волейболу, юнго, танцам, художественной самодеятельности, сбору грибов, ловле раков и просто наслаждению природой. Впрочем, и все остальное было ради удовольствия, а не ради хлеба насущного.

На взгляд местных жителей, ученые на Сунгуле жили за колочей проволокой и острыми оградками, но — в раю. Научным сотрудникам были назначены оклады от полутора до двух с половиной тысяч рублей. Заведующие отделами имели до 4,5 тысячи рублей в месяц, не-

Век Зубра

Сопоставим и оценим: на Южном Урале работал не только Игорь Курчатов, но и Николай Тимофеев-Ресовский. Сегодня 100 лет со дня его рождения

Челябинский художник Анатолий Гилев рисовал Зубра во время пребывания его на Урале

месячные ученые получали до 6,5 тысячи рублей, а Николас Риль — 14 тысяч рублей. Без портфеля он не мог унести свой оклад из Касья. Между тем средний заработок в промышленности исчислялся 700 рублями. А деревня в те годы вообще денег не знала.

На Сунгуль, для немецких ученых прежде всего, доставлялись свежие фрукты, виноград в том числе, кофе, чешское пиво, хорошие папиросы и сигары.

Контрасты жизни... И перепады судьбы. Известно, что Тимофеев-Ресовский был доставлен в Сунгуль едва живым. Он не мог стоять на ногах, его внесли в корпус на простыне. Но каков перепад: из тюрьмы, из лагеря — сразу в райское место, на курорт.

Такой же кулбит испытал Николай Викторович Лучник. Потом он вспоминал, как в «столыпинках» их, зек, набивали в купе не пять, не семь человек, как положено, а по тридцать и более. «Такое купе — плотно спрессованная человеческая масса, где неизвестно, где чья рука, где чья нога. Невозможно поверить, что в этой человеческой массе люди могут просуществовать хотя бы час, а они едят в ней днями и днями».

И что потом? Потом, в Сунгуле, после гнилой кильки, на завтрак — хлеб, к тому же белый, и сливочное масло, и морков, тушенная в сметане, и глазунья с колбасой, и кофе с молоком...

Немцам в Сунгуле тоже не позавидует: вдали от дома, от разрушенной, опозоренной и проклятой родины, на чужбине, в стране, которая и своих не щадит, в полной неизвестности — такое не пожелаешь никому.

Только у каслинцев не было никаких перепадов — одни надолго тяжелые будни. (Как раз в те годы в Каслях мяла траву-мураву босоногая девочка — моя будущая жена).

Ученый, учитель

Я не знаю, получил бы Тимофеев-Ресовский такую известность, какую получил, если бы не повесть Д. Гранина «Зубр». Боюсь, что известность его была бы скромнее. Короткое слово «зубр», сказанное писателем вовремя, так и прилипло к Тимофееву-Ресовскому. Образ, найденный Граниным, отмечен счастливым совпадением: и во внешнем облике, и в характере, и в судьбе Тимофеева-Ресовского действительно есть что-то от зубра. (Само-то слово было подсказано женой Николая Владимировича, когда она увидела картину челябинского (тогда) художника Рубена Габриэляна. То был портрет Тимофеева-Ресовского с портретом же Нильса Бора на стене и статуэткой зубра каслинского литья на столе. Тогда Елена Александровна и произнесла: «Три зубра». Из трех остался один).

Сам я в Тимофеев-Ресовском прежде всего вижу свободного человека. Кажется, его поведение не зависело от обстоятельств. Я думаю, что он не сотрудничал с фашистами, живя в Германии, точно так же, как не сотрудничал с коммунистами, оказавшись в Советском Союзе. Свой суверенитет он умел блюсти в любых условиях. Он был верен только своей науке. Она-то его и спасла, когда он погибал в Гулаге. Гулаг его ничему не научил. И после него он не покорился биологическому диктатору Лысенко, остался «дрозофилятиком», генетиком-менделистом.

Не мне оценивать Тимофеева-Ресовского как ученого. Знающие люди говорят, что он (вместе с двумя немецкими учеными) впервые определил размер гена. И кроме того, познал кое-что в таких вещах, как хромосомы и мутации. Разумеется, он не был чужд эксперименту. Но осмелюсь подумать, что Николай Владимирович не мог, забыв обо всем, полностью уйти в узкий научный поиск. Ему, занявшему свое место на переднем рубеже науки, необходимо было всю ее видеть, присутствовать на всем ее фронте, знать ее в развитии как инструмент познания человеком сущности вещей.

Может быть, поэтому Тимофеев-Ресовский не жалел времени на «треп». Ничего не стоило втравить его в глубокомысленный разговор о чем угодно, потому что ничего нет такого, что нельзя поднять до высот науки. Особенно охотно он общался с молодыми умами. Ему мало было заниматься наукой самому, ему надо было объяснять науку, делиться наукой, радоваться ей и огорчаться ею, размышлять о ней, брать ее и отдавать другим, прежде всего — молодым. Правильно сказано: он был не только ученым, но и учителем. Не ген сделал его популярным в среде научной молодежи, а знаменитые семинары на берегу озера Большое Миассово, в которых мудро переплетались размышления и развлечения, диспуты и тосты, физика и лирика.

Лаборатория «Б»

Теперь нам дано знать, что такое Лаборатория «Б». Решение о ее создании было принято в начале 1946 года. Еще ничего нет — ни атомной бомбы, ни ядерного реактора, ни самой радиации, а уже определено предназначение Лаборатории «Б» — изучить, на какие последствия способно разорванное атомное ядро. Я не скажу, что Лаборатория «Б» только для того и создавалась, чтобы найти защиту от атома, но и для защиты тоже. Усилим воображения вернемся в начало 1946 года. Страна, едва опомнившаяся после изнурительной войны. Разруха, бедность, нищета. Где ее взять, эту Лабораторию «Б», которая должна начать тончайшие исследования в очень смутной области знаний? Тут голыми руками, одной страстью ничего не добиться.

Кроме страсти, ничего и не было. И не на что было рассчитывать, кроме как на Победу. Из Берлина на берет озера Сунгуль было доставлено все, что требовала наука, — оборудование, аппаратура, инвентарь, материалы, библиотеки, а также трофейные кровати, ковры, пианино, холодильники и прочее. Ученые получили в свое распоряжение рентгеновские аппараты, спектрометры, потенциометры, колориметры, микроскопы, микротомы, термостаты, счетчики, сушильные шкафы, муфельные печи, центрифуги, весы, специальную посуду, свинцовые стекла и листы, а также опытные участки и пруды, оранжерею, аквариумы, виварий.

Вместе со всем этим научным имуществом из Германии были вывезены и немецкие ученые, те, которых не вывезли американцы (человек триста всего, считая и домочадцев). Многие из них попали на Сунгуль. Это — Карл Циммер, которого Тимофеев-Ресовский называл лучшим дозиметристом мира. Это — Ганс Борн, опытный радиохимик. Это —

Александр Кач. И наконец, это — Николас Риль, прибывший позднее.

К тому времени Николас Риль успел уже в Электростали показать осволенную еще в Германии технологию производства металлического урана. Это произвело на Сталина такое сильное впечатление, что он отблагодарил Риль со сталинской щедростью. На Сунгуль Риль приехал со звездой Героя Социалистического Труда на лиджаке. Был он еще и лауреатом Сталинской премии первой, разумеется, степени. Дана была ему премия — 350 тысяч рублей кроме 350 тысяч, полученных прежде того. И подарен автомобиль. И пожалована дача с обстановкой. И установлен двойной оклад на все годы работы. И право бесплатно разрезать за семьей на всех видах транспорта. И обучать детей в любых учебных заведениях...

Помогли ли немцы в создании атомного оружия в СССР? Разумеется, помогли. И что, без них ничего не получилось бы? Получилось бы, конечно, но — когда?

Если коротко и просто, то Лабораторию «Б» «вели» физики и биологи. Но физика там была биологическая, а биология — физическая. Так, в скрещении, родилась биофизика. Две науки, претендующие в естествознании на лидерство, тогда перепелись. Когда в «Сороковке» «закрили» первый реактор, оттуда в Лабораторию «Б» привозили в колбе «продукт-904», «юшку», как говорил Тимофеев-Ресовский, буроватую жидкость — смесь осколков деления урана. Из «юшки» надо было выделить изотопы, очистить их и работать с ними.

А работа в том и состояла, чтобы изучить — где первыми в мире, где вторыми, — как радиация воздействует на все живое, где она нахальничает и как выводится. То есть Лаборатория «Б» начинала то, о чем

после Чернобыля до сих пор судачит вся мировая общественность.

Конечно, теперь наука много больше знает о радиации. И теперь можно свысока смотреть на то, что добыто и извлечено за тремя зонами спрятанной Лабораторией «Б». Теперь их ошибки и просчеты — как на ладони. Но что бы ни говорили теперь, а факт тот, что современная биофизика так и стоит на нескольких камнях, заложенных в ее фундамент Лабораторией «Б», которой было отведено всего пять строго засекреченных лет.

В сентябре, нынче, 20 числа, исполнилось 100 лет со дня рождения Н.В. Тимофеева-Ресовского. По этому поводу на берегу Сунгуля собрались ученые, начинавшие свою карьеру с Тимофеевым-Ресовским, его ученики и те, кто приобщился к биофизике позже. В первый же день конференции была открыта мемориальная доска на доме, в котором жил выдающийся ученый. К этой же дате издана книга Б. Емельянова и В. Гаврильченко «Лаборатория «Б». Сунгульский феномен». Многие факты этой статьи мною взяты с благодарностью к авторам из их книги.

Сопоставим и оценим: на Южном Урале работал не только Игорь Курчатов, но и Николай Тимофеев-Ресовский.

Михаил ФОНОВ

Челябинск

Сын Тимофеева-Ресовского Андрей Николаевич у сунгульского дома родителей